

П. И. Мариковский

Муравей-путешественник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
П11

П11 **П. И. Мариковский**
Муравей-путешественник / П. И. Мариковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 88 с.

ISBN 978-5-458-32021-4

Всего в мире известно 15 тысяч видов муравьев. Это не столь уж много, если сравнить с числом других видов насекомых. Зато по количеству муравьи самые многочисленные на земле насекомые. Их больше, чем всех остальных животных, вместе взятых. В этой книге рассказывается о тех муравьях, которых автор наблюдал в горах Тянь-Шаня, преимущественно около восточной части озера Иссык-Куль, в местах, где провел свои последние дни известный натуралист Н. М. Пржевальский.

ISBN 978-5-458-32021-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МУРАВЕЙ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Днем на озере Иссык-Куль был шторм; волны шумели, пенились и далеко забегали на низкий песчаный берег, покрытый редкими гранитными валунами. А когда все затихло и озеро успокоилось, далеко от кромки берега остался влажный вал из песка, мелких камешков, водорослей и мертвых ракушек. С другого берега в гладкое изумрудно-зеленое озеро глядятся снежные вершины Теневого хребта. Кое-где по глади ветер еще взметывает темно-синюю полосу ряби да маленькие волны все еще плещутся и наметают другой, только маленький, валик из чистого, перемытого песка с золотыми блестками слюды.

По кромке берега скачет ворона. Она прилетела проведать, что послало озеро. На большом валике, среди водорослей и мертвых ракушек нашла дохлую рыбку, полакомилась ею. И дальше пошла, посматривая черными глазами на озеро, на небо, на мокрый песок. Пролетела чайка и отразилась белой точкой в черных глазах вороны.

Сбоку маленького валика из перемытого песка бежит рыжий с черным брюшком муравей. Он очень торопится — не останавливается, не меняет направления, и путь его прямой, определенный, будто заранее известный. Каждую минуту муравей проползает два метра. Пять, десять... двадцать минут бега — десять... двадцать... сорок метров пути. И все дальше, дальше...

Вот уже пройдено более ста метров, а вблизи еще нет никаких следов муравейника, и песчаный берег с гранит-

ными валунами все еще тянется, без травинок, без кустиков. Откуда здесь взялась муравью?

Муравей, видимо, не простой, а какой-то путешественник и куда-то очень далеко забрел. Ведь муравьи никогда не отходят на большие расстояния от своего муравейника. Каждый муравейник имеет свою территорию. Она обычно не столь велика, и даже самые отважные муравьи-разведчики не отходят от своего жилища дальше сотни метров. Это расстояние для маленького насекомого, плохо видящего среди густого леса травы, камней, всяких ям и бугров, — уже далекий путь, на котором можно легко заблудиться. Обычно на небольшие расстояния от муравейника проделываются хорошие дороги: здесь путь легок, да и движение немалое. А дальше идут едва заметные тропинки и просто бездорожье, по которому пробираются по запаху, по чувству направления, по маленьким последовательным ориентирам.

Может быть, наш муравей заблудился и бредет сам не зная куда? Но тогда его путь не был бы таким точным, размеренным, деловитым. Что же служит нашему муравью

По песку бежит муравей.

ориентиром: синее озеро, шорох волн, кромка влажного песка или большое красное солнце, садящееся за угрюмые темные скалы?

Прочертим глубокую ложбинку прямо к самому берегу. Муравей останавливается, делает несколько нерешительных шагов в разные стороны. Его членистые усики, покрытые золотистыми волосками, вздрагивают и беспрестанно шевелятся. Крупная красноватая голова с черными, как смоль, глазами слегка поворачивается в мою сторону, и мне кажется, что муравей смотрит на меня темными точечками глаз; он, должно быть, в недоумении, видя перед собой какую-то неясную шевелящуюся гору (четко му-

равьи видят всего лишь на расстоянии нескольких сантиметров).

Но вот недоумение исчезло, муравей перебирается прямо через ложбинку — и вновь размеренный бег по два метра в минуту. Теперь новая канавка его не останавливает и нисколько не смущает: это препятствие уже знакомо и не стоит внимания.

Уберем совсем кромку из чистого песка и сделаем берег пологим. Здесь ничем не сдерживаемые волны далеко закатываются на берег и вода скрывает путешественника. Куда он делся? Утонул, утащенный волною?

Нет, муравей этот знает причуды своего озера; моментально уцепился всеми ногами за камешек, выждал отлива и тогда кинулся прямо от берега в сторону, на сухое. Здесь он переполз через большой вал и долго бежал вдали, но строго вдоль берега. Затем снова вернулся к кромке песка. Тут, видимо, вернее путь.

А что, если на кромку насыпать сухого песка? Это нисколько не сбивает с пути. Может, подложить голову дохлой рыбки — остаток трапезы черноглазой вороны? У рыбьей головы муравей остановился, долго нюхал воздух золотистыми усиками и снова помчался дальше. Нет, он не питается дохлятиной, и она ему не нужна. Не расстелить ли на пути развернутую газету? И газета оказывается муравью нипочем.

Уж не солнце ли служит ориентиром? Это нетрудно проверить. Шляпой на муравья бросается тень, а со стороны карманным зеркальцем посылается солнечный зайчик. Но новое солнце, отраженное карманным зеркальцем, также нисколько не смущает путешественника. Видимо, муравей в пути использует сразу многие признаки: тут и запах воды, и кромка влажного песка, и, может быть, фон неба, озера и берега и, наверно, кроме всего, и чувство направления.

Прошел еще час. Красное солнце скрылось за темными скалами. Теперь уже пройдено более четверти километра, и низкий песчаный берег с гранитными валунами остался позади. Мы оба приближаемся к глинистому овражку, размытому дождевыми потоками, с редкими кустиками полыни. Перебравшись через него, муравей резко сворачивает в сторону и скрывается в норке, окруженной небольшим земляным валиком. Это муравейник, в нем уже все

спят, и наш путешественник пришел с явным запозданием.

Утром в овражке шумит маленький мутный ручей и выносит красную глину на песчаный берег озера. На этой глине ворона уже успела наследить своими лапами.

Ручей бежит из ближайшего ущелья, и я догадываюсь: днем жаркое солнце высушивает его, и он добегаёт до озера только прохладной ночью.

Около овражка, среди редких кустиков полыни-эстрагона, у норки, где мы вчера расстались с муравьем-путешественником, большое оживление, и множество таких же рыжих муравьев с черным брюшком и золотистыми усиками шныряет во все стороны. А когда днем ручеек исчезает, высушенный солнцем, я вижу, как вдоль берега, в ту сторону, откуда полз муравей-путешественник, один за другим бегут в дальний путь другие рыжие муравьи.

Теперь, чтобы проследить их дорогу, мне незачем идти за каким-нибудь бегуном по два метра в секунду: я легко обгоняю их одного за другим и добираюсь до больших плоских камней, полого спускающихся в синее озеро. Здесь конец пути, здесь добыча еды, и еды не совсем обильной: муравьи жадно обглаживают влажные лишайники, покрывающие плоские камни. Каждый муравей, изрядно наполнив свое брюшко найденной пищей, донесет ее до муравейника и потом, отрывая маленькими капсельками добытое, накормит своих товарищей. Так уж заведено у муравьев: многие только и занимаются в муравейниках тем, что добывают пищу и приносят ее для других, занятых иными делами.

Но от плоских камней до муравейника более трехсот метров — рейс необычно далекий для муравьев. Что ж поделать! На песчаном берегу, среди реденьких кустиков полыни, не особенно много поживы, и не от хорошей жизни так далеко приходится за нею путешествовать.

ВЕТЕР И ЖИЛИЩЕ

Хребет Солнечный расположен параллельно северному берегу озера Иссык-Куль и обращен к нему южными склонами, поросшими травами. С озера поэтому не видно синего елового леса, и елки прячутся где-то за хребтами на

Вершины елей местами выглядывают из-за хребтиков.

другой стороне. Только кое-где в ущельях проглядывает лес да вершины елей местами высовываются из-за вершин хребтиков. Выше степные солнечные склоны переходят в зеленые луга, еще выше зелень редее, перемежаясь с камнями. А там, на самом верху, — голые серые камни и белые снежные вершины, суровые, извечно покойные, безжизненные и холодные даже жарким летом.

С берега озера горы с многочисленными хребтиками и ущельями как на ладони и кажутся очень красивыми и заманчивыми. Вон по тому ущелью можно бы забраться на перевальчик, а там по пологому хребтику — путь и до самых снегов. Конечно, чтобы дойти до самых снежных вершин, нужно не менее двух дней пути. Но хотя бы за день поближе к ним подобраться и очутиться там, где еще холодно и только-только начинается короткое лето!

Между хребтом Солнечным и озером — узкая лента подгорной равнины, усеянная неисчислимыми гранитными валунами. На этой же подгорной равнине расположены села и колхозные посеы. У тропинки, тянущейся в горы к ущелью, среди невысокой травы и валунов нам часто встречаются большие муравейники степного муравья, близкого родича всесветно распространенного лесного рыжего муравья. От своего лесного родственника эти жители степей отличаются более темным цветом, черными пятнами на голове и груди. А по характеру очень схожи: такие же отважные в борьбе, энергичные в труде, быстрые во взаимопомощи и всяком общем деле.

Сходно устроен у этих двух видов муравейник, только здесь, на открытом месте, в степи, где и солнца много и свободно гуляет ветер, он значительно шире, более плоский и никогда не бывает таким высоким, как в лесу. Вот

земляное кольцо у основания округлого холмика. Это кольцо поросло травой и едва заметно. Сам холмик сложен из множества палочек, сухих стеблей трав. Под скоплениями палочек, пронизанных сложными галереями, находится воронка из крупных частиц земли и под всем этим, в земле, на глубине до полуметра, расположены многочисленные ходы, камеры с личинками, куколками и самими взрослыми обитателями жилища — муравьями. Поглубже, в укромных залах, живут матки, кладущие яйца. Их в муравейнике бывает до десятка и более.

В муравейнике всегда оживление: кто занимается строительством и тащит палочки в гнездо, кто отправился на охоту и уже волочит свой трофей — мягкую зеленую гусеницу. Много тружеников не выходят из жилища и там, внутри него, хлопочут, ухаживая за матками, за белыми безногими личинками, за круглыми, одетыми в коричневые шелковые рубашки куколками. Личинок и маток все время надо кормить и содержать в чистоте, а куколок — греть как можно больше в самых верхних частях муравейника — в камерах под палочками.

Степной муравей приносит большую пользу, истребляя главным образом насекомых — вредителей посевов и пастбищных растений. И трудно сказать, что было бы, если бы не постоянная и неутомимая работа многочисленных жителей муравейника по очищению посевов и степей от вредных насекомых.

Трудолюбие и согласие в жизни большого муравьиного общества, а также некоторые другие удивительные черты их жизни всегда поражали воображение человека. В частности, этого степного муравья в старину очень почитали киргизы-кочевники и, чтобы сбылось какое-нибудь задуманное большое и доброе дело, приходили кочевать к муравейнику.

Дальше в горы — травы выше и ветер шумит, раскачивая высокие зонтики цветов, шевелит кусты таволги, пригибает к низу траву. Здесь муравейники совсем низкие и, странно, сверху прикрыты ползучей травой — ясенником. Зачем бы, казалось, муравьям терпеть эту ползучую траву? Но, видимо, не зря не трогают ясменник жители муравейника. Стебли этой травы прикрывают муравейник, как канаты юрту, и защищают его от ветра.

Еще выше в горы по хребтику вьется тропинка. Впере-

ди все еще далекие снежные вершины, позади — широкие просторы и озеро. Какое оно теперь большое и синее! И хребет Теневой, что за озером, тоже стал выше и показал свои далекие, невидимые снизу белые вершины. И сверху все кажется маленьким и игрушечным: и ленточка дороги с облачком поднятой машиной пыли, и белые точки валунов, и узкая полоска песчаного берега.

Здесь, на хребтике, с западной, более теневой стороны — высокие и разные травы; с другой, южной стороны — низкая степная трава типчак, та самая, что растет сплошным ковром на равнинах южных степей. На хребтике ветер — хозяин: налетает шквалами, шумит в ушах и треплет одежду. Тут, на перевальчике, где особенно жестоки порывы ветра, мы встречаем жилище степного муравья. Но на что оно похоже! Издали это настоящая, косматая, напоминающая папаху, кочка. Высокий, почти цилиндрический муравейник окружен с боков плотными стенками, поросшими типчаком. Корни трав крепко переплелись и образовали плотную стенку — надежную защиту от ветров и ураганов. И только на самой верхушке на-

Муравейник похож на косматую папаху.

ходится ровная площадка из палочек — это своеобразный солярий, где муравьи прогревают своих куколок.

Муравейник не один: всюду по хребтику-перевалу видны подобные муравейники-кочки.

Как же возник муравейник-кочка и как могли получиться такие высокие стенки из дерна?

Разглядывая разные муравейники, можно понять, как все это получается. Вначале муравьи натаскивают слой почвы вокруг небольшого плоского конуса из палочек. Берут они почву черную, плодородную, из поверхностного слоя. Этой почвой, мягкой и разрыхленной, они обносят муравейник со всех сторон до самого верха. Земля быстро прорастает типчаком.

Растет муравейник, растет земляной вал — растет и типчак, занимая свободный от растительности клочок земли. И такие получаются у муравейника добротные стенки, что ни ветер, ни стужа не страшны ему! Очень крепкие — едва топором их разрубишь. Вот как, в зависимости от обстановки, изменяются строительные навыки и инстинкты у одного и того же вида муравья.

ЗАКОПАННЫЕ КАМНИ

За маленьким перевалом открываются новые вершины, хребтики, ущелья, и все они бегут сверху вниз и расходятся в стороны у подгорной равнины Солнечного хребта. Один из склонов хребтика усеян камнями, и в поисках насекомых кто-то из нас, отвернув камень, неосторожно толкает его книзу. Вначале медленно, переваливаясь с боку на бок и будто нехотя, камень катится вниз, но вот он убыстряет бег, начинает подпрыгивать, несется все быстрее и быстрее, увлекая за собой кучу камней, делает гигантский прыжок и дальше мчится в пыли и грохоте к далекому дну ущелья... Все другие ущелья, сколько их было поблизости, откликаются эхом, и оно шумит, удаляясь и переключаясь.

Когда все замолкает, мы смотрим туда, где лежал камень. Здесь, на месте камня, величайший переполох, и муравьи копошащейся массой снуют во все стороны в беспокоестве, панике, растерянности. Потом большинство хватаются за куколки, лежавшие в плоских камерах под самым камнем, нагретым солнцем, и затаскивают их в глубокие норки, подальше от непривычного света и солнечных лучей. И, как это бывает во время паники, нередко два муравья хватаются за одну куколку и, одержимые одним желанием спасти ее, тянут в разные стороны, мешая друг другу. Некоторые просто мечутся без толку

или хватают челюстями комочки земли и таскают их, не зная, куда приладить, как спасти от неожиданного разрушения свое жилище.

Паника продолжается долго, пока все до единой куколки не уносится в подземные галереи. Тогда на поверхности остаются немногие муравьи: они пытаются заделать входы в свое жилище кусочками земли.

Ободренные неожиданной находкой, мы начинаем усиленно переворачивать камни в поисках муравейников. Оказывается, на этом склоне — многочисленное сборище муравьев разных видов. Жилища отличаются в деталях друг от друга, но в общем все построены сходно. Камень для муравейника пригоден не всякий. Он должен быть не особенно большим, чтобы успеть за день прогреться под солнцем, снизу более или менее плоским, чтобы было удобнее строить под ним ходы и камеры. Назначение камня — защита камер, находящихся под ним, и передача тепла от солнца. Камень — настоящий солярий.

Обычно от помещений, расположенных под камнем, в глубь земли идут многочисленные ходы с галереями, в которых и находятся личинки, матки, запасы пищи. Зимой все переселяются в эти глубокие подземелья, выползая под камень погреться только в теплые, солнечные дни.

Чтобы построить галереи и камеры под камнем, муравьи вытаскивают из-под него много земли, укладывая обычно ее рядом по бокам. В таком муравейнике камень держится только на тонких перегородках между ходами и камерами и тяжестью своей постепенно оседает книзу. Муравьи, подправляя жилище, снова выносят землю наружу. Так и продолжается до бесконечности борьба муравейника с последствием тяжести своей каменной крыши.

Впрочем, борьба с камнем не бесконечна. Постепенно приходит время, когда камень оказывается совсем погрбенным. Ветер заносит его сверху землей, и на нем начинает расти трава. Такой камень становится непригодным для жилья и навсегда покидается муравьями.

На каменистом склоне немало подобных камней, совсем закопанных муравьями. Многие же только начинают погружаться в землю. Закапывание камней — процесс долгий.

Сколько для этого потребуется времени? Ответить на вопрос трудно. Быть может, в год камень оседает на один

За двести — триста лет большой камень погружается в землю.

миллиметр, в десять лет — на сантиметр, в сто лет — на одну десятую метра. Двести—триста лет достаточно для погружения большого камня. За это время под ним успевают побывать разные муравьи, и много поколений их рождается и погибает. Это очень долго. Но что значит двести—триста лет для жизни камня, жизни Земли!

Еще выше вьется по хребтику тропинка, и вот слева за поворотом открывается большое ущелье с темно-зелеными стройными елями. Еловый лес ниже, он совсем у нас под ногами, и к вершине ущелья, у которого мы стоим, доходят лишь отдельные деревья. Но какие они странные! Согнутые, кривые, горбатые, искалеченные зимними студеными ветрами.

Там, у Иссык-Куля, уже отцвели травы и пушистые головки одуванчика давно обдуло ветром. А здесь зеленые лужайки еще желтеют от цветов. И как много их, самых разных: и белых, и голубых, и синих, и желтых. Щебнистые осыпи, голые скалистые вершины, громады снега и льда, покрывающие скалы, и кучевые облака, повисшие над ними, кажутся совсем близкими.

Еще выше трава совсем редет и, чахлая, низенькая, ютится между серыми гранитными камнями. Мы просматриваем поверхность земли. Неужели здесь нет муравьев, снующих решительно везде, где только есть малейшие признаки жизни? Нет, их здесь не видно. Быть может, мы их найдем под камнями?

Под камнями есть жизнь. Застигнутые врасплох, задирают свои клешни черные ухвертки; не спеша, извиваясь, расползаются в стороны желтые многоножки. Не-